

Георгий Исаакян

«Детский театр должен стать интерактивным»

Анна Иванова

О катастрофической нехватке детских театров в России разговоры идут не первое десятилетие. Однако не только дефицит таких коллективов, но и репертуар, цели и задачи, злободневность спектаклей волнуют тех, кто всю жизнь занимается сценическим искусством для детей. В их числе Георгий Исаакян, художественный руководитель Детского музыкального театра имени Наталии Сац. В интервью «Театралу» Георгий ИСААКЯН рассказал о проблемах, стоящих перед детскими театрами, и раскрыл секрет, почему его премьерный спектакль «Любовь к трем апельсинам» привлек своей оригинальностью внимание критиков.

—Георгий Георгиевич, завершается первый сезон вашего руководства Театром имени Наталии Сац — театром сколь легендарным, столь и проблемным. Каково ваше видение Театра Сац? Многие говорят о потерянной былой славе...

—Я не хочу размышлять о том, что потеряно. В этом мало смысла. Зачем сидеть и посыпать голову пеплом, горюя о былом? Давайте уже что-нибудь делать, чтобы вернуть славу. Необходимо продолжать ежедневный контакт со всеми слоями нашей аудитории, и мы понимаем ту меру ответственности, которая лежит на нашем театре. Театр Сац— это нормальный музыкальный театр: опера, балет, оркестр, коллектив в 560 человек. Конечно, это уникальный нишевый театр, и детство — его главная тема. Он был придуман гениальной женщиной, но великая идея не может все время эксплуатироваться в том понимании, которое пытаются сегодня навязать детскому театру. Сейчас совсем другая жизнь, другая культурная и социальная ситуация. И театр должен это учитывать и быть современным.

—Уходящий сезон был насыщен заметными событиями— постановка спектакля «Балда», открытие детской филармонии, приглашение знаменитых актеров. Как будет развиваться репертуар театра?

—Существует круг классической драматургии, которая должна присутствовать как базис. Но при этом рамки репертуара будут расширяться, не повторяя того, что идет в других театрах. Например, более четко должна быть представлена в репертуаре история русской оперы-сказки, поскольку сейчас афиша состоит в основном из советской оперы и оперы современных авторов. Здесь должна звучать музыка разных стилей и эпох, в том числе и старинная. Дети должны получать максимальный объем информации.

—Получается, что миссия Театра Сац— заниматься образованием?

—Не только. Миссия театра заключается еще и в том, чтобы формировать культурное поле, а это

значительно шире, чем просто образование. Театр Сац должен быть центром искусств, должен не только развивать, но и воспитывать зрителей. Сегодня, кстати, этим обеспокоены все театры мира: если ты не готовишь аудиторию, она сама по себе не возникнет. Нужно с самого юного возраста приучать ребенка к театру... И власть разных уровней должна это четко понимать, ведь дети растут быстро и важно стремиться к тому, чтобы наше общество завтра не представляло собой сборище варваров.

—Значит, детский театр все-таки необходим?

—Спор о том, что такое детский театр, не завершен, и думаю, что не завершится он никогда... Нужен ли отдельный театр, ориентированный на детей, или ребенок должен приходить с родителями и расти на взрослых спектаклях? Не знаю, но точно понимаю, что, если в какой-то момент ребенок не приходит в театр, в филармонию, в художественную галерею, он теряет что-то очень важное, чего потом уже не восполнишь. Наш театр уникальный, потому что нигде в мире нет такого детского театра оперы и балета. Это театр со своим лицом, но тем не менее он должен быть подвергнут переосмыслению. Ранее была целая система эстетического воспитания детей, направленная на то, что дети должны регулярно посещать театр, а сегодня все выглядит иначе. Самое главное, что и дети сильно изменились, их рядовыми спектаклями не удивишь. Поэтому современный детский театр должен стать предельно интерактивным, все время взаимодействовать с публикой, давать возможность открывать им что-то новое. Театр должен давать ребенку то, чего он не получит больше нигде — ни в одном развлекательном учреждении и ни в одном парке... И как тут обойтись без Шостаковича, Прокофьева, Моцарта, Чайковского, Верди? Функция нашего театра в том, чтобы закладывать фундамент вкуса, отношение к тому, что есть настоящая музыка, литература, живопись и так далее...

—В этом сезоне вы поставили и оперу Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» — не самое легкое произведение для детского театра...

—Действительно, считается, что это такой проблемный спектакль. Но мне кажется, что главная проблема здесь в том, что произведение оказалось в тисках трех мифов. Первый — это, собственно, сама сказка Гоцци, потому что она основана на стремлении к возрождению старинного итальянского театрального площадного искусства — комедии дель арте. И здесь нас всегда поджидает фиаско, потому что невозможно в 2011 году в России в оперном театре играть комедию дель арте, которая изначально погружена в гущу площадного итальянского свободного театра, свободного устройства флорентийского, геновского, венецианского общества, но не российского, потому что российский актер не знает, что такое свободная импровизация и наслаждение жизнью. Российский актер выходит и вываливает весь груз своих размышлений о жизни Второй миф — это театр Мейерхольда, потому что он был одним из первых, кто в новое время стал заниматься реконструкцией комедии дель арте, издавал журнал «Любовь к трем апельсинам», и он, собственно, подал Прокофьеву идею этой оперы. Поэтому другая крайность, которая подстерегает постановщика во время работы над оперой, — это уход в сторону русского авангарда, в сторону кубизма, в сторону знаменитого спектакля «Великодушный рогоносец», сценического конструктивизма и так далее. С точки зрения «картинки» это, конечно, очень интересно, но для зрительских ощущений этого — это практически «железный занавес», потому что современные зрители уже, конечно, эту тему так не воспринимают. И третий миф — это, собственно, современная опера Прокофьева, который на материале «Игрока» и «Любви к трем апельсинам» начинал создавать нечто новое. До него этого языка новой оперы не было, до него был еще Пуччини, который был вполне в рамках традиционной итальянской оперы... Время Прокофьева — время изменения слухового ощущения, ощущения новой гармонии и новой мелодии.

—А как вы подошли к трактовке прокофьевского произведения?

—Я совершенно иначе взглянул на «Любовь к трем апельсинам». Ведь в чем суть театра? Не в том, чтоб развлекать, хотя частично и в этом, но не явно... Не в том, чтобы притворяться умнее, чем ты есть. Не в том, чтобы делать что-то, чего никто не делает... Я вижу суть театра в том, чтобы «зацепить» зрителя и ему захотелось рассуждать о спектакле. Иными словами, постановка должна оставить след, а моя задача как постановщика — нащупать какие-то болевые точки даже у самого маленького зрителя... Люди ходят в театр потому, что находят в нем нечто, чего нигде больше нет. Сейчас ведь куча мест, куда можно пойти, выбор огромный, мы расположены в окружении 60 торговых центров со всем спектром удовольствий, которые только могут быть... Если они приходят в количестве тысячи человек к нам в зал, значит, они что-то получают... И я надеюсь, что частью этого «что-то» как раз является доверительный диалог между сценой и зрительным залом. Поэтому у нас темой «Любовь к трем апельсинам» является не комедия дель арте Гоцци, не русский авангард, не опыты Мейерхольда, а Детство — то, что понятно нашим юным зрителям, поскольку это мир, увиденный их глазами.

—Вы не боитесь браться за такие сложные проекты?

—Нет, не боюсь. Я все время чем-то «напуган», но это нормальное состояние театрального человека. Когда он начинает что-нибудь делать, особенно новое, все время думает: «Боже мой, как страшно!»